

Глава XIX. Эмилианне, Берта и Нестор Махно

Хотя французское правительство и освободило узников, но не по своей воле: в то же время предъявило требование о категоричном выезде из Франции в течение 15 дней. Однако куда податься? Комитет для предоставления убежища предпринимал всё возможное, чтобы достать въездную визу в любую страну Европы. В посольствах не отвечали отказом, но и не обещали ничего конкретного. Неопределённая ситуация затягивалась, а дни всё шли... В ожидании положительного ответа из посольств Дуррути, Аскасо и Ховер обсуждали шансы на совместную жизнь в каком-нибудь месте земного шара, за пределами закона, что уже стало для них обычным делом. Грегорио Ховеру, отцу семейства, чтобы выжить вместе с его супругой и двумя детьми, пришлось сделать прагматический выбор. Ему удалось найти способ добыть поддельные документы и устроиться в Безье краснодеревщиком.

Дуррути и Аскасо, располагая свободным временем, по вечерам посещали книжную лавку анархистской литературы, которая в то время находилась в квартале Менильмонтан, на улице Прэри в 20-м округе Парижа. Там они познакомились с двумя молодыми француженками-анархистками, которые впоследствии стали их подругами. Эмилианне Моран сошлась с Дуррути, а Берта Флаверт начала отношения с Аскасо. Именно в те дни Дуррути и Аскасо познакомились с Нестором Махно — заметной личностью в истории русского анархизма и важной фигурой революции, произошедшей в этой стране в 1917 году. Его действия на Украине до августа 1921 года — одни из самых тревожных страниц русской революции, продолжающих быть темой табу для «правых и левых» историографов — объективных союзников в сокрытии неудобных для них фактов исторической правды. В истории пролетариата Нестор Махно, наверное, является единственным анархистом, инициировавшим революционное движение, на деле воплотившее теоретические концепции общества без каких-либо политических структур²³³. В течение четырёх лет он насмерть сражался на Украине с «белыми» и «красными», в то время как украинский народ, хотя и в атмосфере войны, осуществлял на практике идеи анархизма.

Махно, поначалу с небольшой группой приверженцев, смог организовать мощную крестьянскую армию, отразившую атаки немецких захватчиков непосредственно после подписания Троцким (с ведома Ленина и большевиков) мирного соглашения с Германией. С той поры и вплоть до разгрома немцев в ноябре 1918 года двадцати пятитысячная армия Махно была единственной силой, защищавшей русскую революцию на Украине. После поражения немецких оккупантов большевики направили в украинские земли Красную армию. Сделав вид, что согласны с формой советской власти, установившейся в этом регионе, они выказали себя союзниками Махно. Однако на самом деле ни Троцкий (военный комиссар), ни Ленин (глава нового советского государства) не имели намерений допустить существование такого анархистского эксперимента, тем более что его положительный опыт

резко контрастировал с произволом и деспотическими мерами большевиков в России, полностью находящейся под их контролем.

Украина и Кронштадт стали лебединой песней русской революции — это было предрешено. В конце 1920 года ситуация на Украине в корне изменилась — большевистское правительство подготовило ловушку группе махновских командиров. Под предлогом приглашения для участия в заседании Военного совета им назначили прибыть в определённое место, и как только все собрались, их арестовала ЧК (тайная советская служба безопасности), впоследствии они были расстреляны. Такая же процедура была задействована по отношению к воинским отрядам, боровшимся в Крыму с реакционными группировками — так называемыми «белыми». Одновременно с этими двумя атаками на сторонников Махно Троцкий выслал на Украину 150 тыс. красноармейцев с целью уничтожить армию Махно. Борьба с Красной армией и в то же самое время «белыми» продлилась девять месяцев. Наконец, в августе 1921 года, Махно с горсткой своих приверженцев покинул родину и бежал в Румынию, где был заключён в тюрьму. Из Румынии он бежал в Польшу, там его судили, но в конце концов приговор не был вынесен. В 1924 году, благодаря поддержке Рудольфа Роккера, Волина и Эммы Гольдман, ему удалось перебраться в Германию и затем, в 1925 году, найти убежище в Париже.

Для него Париж являлся изгнанием, а изгнание для этого человека активного действия было равносильно смерти. Молодой тридцатипятилетний мужчина выглядел истощённым из-за военных невзгод и многочисленных ранений. Однако наиболее глубокой раной являлись для него поражение, и вся та ложь, распространяемая о нём и Украине господствующим большевизмом. Вдобавок ко всему, ему — русскому человеку — было сложно привыкнуть к французскому стилю жизни. Махно, знавший о Дуррути и Аскасо, об их невзгодах и перипетиях, уже будучи в Париже, следил за судебным процессом в течение всего года, пока испанцев держали в заключении. Хотя он и вёл одинокий образ жизни, но, когда ему сообщили о просьбе Дуррути и Аскасо встретиться и побеседовать, согласился принять обоих в скромном гостиничном номере, где он обосновался с женой и дочерью. Как только трое мужчин оказались лицом к лицу, Дуррути сказал:

“ «Мы пришли поприветствовать в твоём лице всех революционеров, которые боролись на российской земле за наши идеалы анархизма, а также хотим отдать дань богатому опыту вашей борьбы на Украине — он имеет для всех нас огромное значение». «Слова Дуррути, — как напишет позднее Аскасо, — глубоко тронули усталого бойца. Этот невысокий, но крепко сложенный человек, казалось, ожил. Проницательный взгляд его косоватых глаз отражал кипящую энергию личности в оболочке ослабевающего тела».

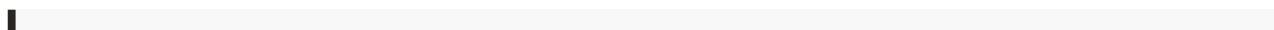
«У вас в Испании, — сказал Махно, — более подходящие, чем в России, условия для настоящей анархистской революции: крестьяне и пролетариат закалены в революционных сражениях. Быть может, ваша революция произойдёт в скором времени, и я смогу увидеть идеи анархизма, воплощённые в жизнь без просчётов и ошибок русской революции! Вы, испанцы, обладаете способностью организовать свои силы, а у нас в России этого не доставало — ведь именно организация обеспечивает глубину революционных

преобразований. И поэтому я не только восхищаюсь движением анархистов на Иберийском полуострове, но и считаю, что в настоящее время только оно способно с успехом совершить революцию более глубокую, чем большевистская, и к тому же обойтись без того опасного бюрократизма, который сразу же после победы нашей революции явился угрозой для неё. Боритесь за то, чтобы в ваших рядах всегда жил дух стойкой организации, и не допустите его развала теми, кто принимает анархизм как сухую, безжизненную теорию. Анархизм чужд идеям сектантства и догматизма. Это теория в действии. У него нет заранее установленных концепций. Это естественное явление, проявляющееся в человеческой деятельности, индивидуальной или коллективной. Он представляет из себя движущую силу, импульс в движении вперёд самой истории».

Беседа утомляет Махно, а кроме того, сказывается незнание испанского. Необходимые паузы при переводе (с помощью его друга — переводчика Довинского) затрудняли последовательное изложение мыслей. Живо следя за выражением лиц испанских товарищей, он пытался уловить реакцию на его слова. Беседа длилась несколько часов. Махно поведал Дуррути и Аскасо о подробностях его борьбы на украинской земле, а также о деталях работы в коммунальных хозяйствах и правлении советов в этих областях в годы его деятельности.

«Наша сельская коммуна работала как активное звено в экономической и политической сферах, в рамках федеративной и солидарной системы, организованной нами. Сообщества крестьян не руководствовались личными эгоистичными интересами, а опирались на всеобщую поддержку — как на местном, так и на областном уровне. Наш опыт ощутимо показал, что крестьянский вопрос мог решаться не так, как это навязывали большевики. Если бы мы смогли распространить наши методы по всей стране, то не появились бы пагубные разделения между городом и деревней, и мы смогли бы предотвратить страдания русского народа от голода и бесполезную борьбу между рабочим классом и крестьянами. И что самое главное — революция пошла бы совсем другим путём. Говорили, что наш успех будто бы обязан тому, что основывался на крестьянской и мастеровой структуре. Но это не так. Наши общины носили смешанный характер — сельский и промышленный, — и некоторые из них даже были полностью промышленными. Наша система обладала прочностью в силу революционного энтузиазма, исходившего от всех нас, без каких-либо бюрократических процедур. Мы все были одновременно и бойцами, и рабочими. Всеобщее собрание решало все вопросы. Что касалось военных действий, то этим занимался военный комитет, он был широко представлен от всех малых групп. Для нас самым важным было участие всех людей в коллективном деле, во избежание появления касты руководителей — монополизаторов власти. Именно поэтому нам удалось соединить теорию с практикой. И поскольку мы опровергали необходимость большевистских мер, Троцкий и Ленин бросили на нас войска Красной Армии. Да, большевизм одержал военную победу на Украине и в Кронштадте, но революционная история оправдывает нас и изобличит могильщиков русской революции как контрреволюционеров».

Во время беседы лицо Махно неоднократно искажалось гримасой усталости, особенно при упоминании трагичных для него событий. В какой-то момент, вздохнув, он воскликнул:

«Надеюсь, настанет время, и вы сможете сделать всё лучше, чем мы». На прощание он сказал: «Махно никогда не отказывался идти в бой. Если я буду жив, когда вы начнёте ваше сражение, то стану одним из ваших бойцов»²³⁴.

23 июля 1927 года, по окончании срока пребывания в стране, предоставленного французскими властями, Дуррути и Аскасо были отправлены на границу с Бельгией, где правосудие разыграло для наших друзей настоящую комедию, тягостную от начала до конца. Когда французская полиция выдала изгнанных испанцев бельгийской, то та не одобрила въезд на свою территорию «столь опасных анархистов». Перед лицом отказа бельгийцев французская полиция отвела Дуррути и Аскасо на пограничный пункт и терпеливо дождалась сумерек. Под покровом ночи французы тайно перевели обоих на бельгийскую сторону. Таким образом друзья смогли добраться до Брюсселя, где их в малярной мастерской приютил бельгийский анархист Хем Дей, в надежде добиться от бельгийских властей предоставления политического убежища. Дни тянулись томительной чередой. Аскасо и Дуррути отчаянно ожидали развязки. Так прошёл июль, и уже в августе они узнали из газет о трагичной развязке драмы Сакко и Ванцетти.

Ничто не повернуло вспять решение властей США. За три дня до исполнения смертного приговора пролетариат всей планеты организовал манифестации солидарности с Сакко и Ванцетти. Однако всё оказалось безрезультатным. Едва начался отсчёт 23 августа 1927 года — итальянские анархисты были казнены на электрическом стуле. На 19-й минуте погиб Сакко, а на 26-й — Бартоломé Ванцетти. Эти два итальянских анархиста, в течение шести лет завладевшие вниманием всех стран, оставили после себя пример революционной стойкости. Аскасо и Дуррути не принадлежали к роду борцов, которые, терпя поражение, просят пощады у победителя. Они не отказались от своего намерения ликвидировать Альфонсо XIII, избавив таким образом испанский народ от угнетателя. Они также не просили помилования у французского правительства, не раскаялись в содеянном. От силы они потребовали, чтобы власти применили свои собственные законы, и не более того. В случае с Сакко и Ванцетти всё было предельно ясно: господствующий класс действовал безжалостно, провоцируя социальные столкновения. И в силу неоспоримых фактов принцип талиона становился логичным следствием. Так это понимали Аскасо и Дуррути, и точно так же понял это Северино ди Джованни в Аргентине, когда взорвал динамитом здания американской капиталистической компании, обосновавшейся в городе Ла Плата.

Пока Дуррути и Аскасо обдумывали свои дальнейшие действия с целью добиться оптимальных результатов, неожиданно в один из последних августовских дней их остановили бельгийские полицейские; они не стали утруждать себя формальностями ареста и заключения под стражу, а поступили точь-в-точь, как их французские коллеги: доставили задержанных к ближайшему пограничному пункту и вынудили их пересечь границу с Францией.

Французская полиция была оперативно информирована (наверняка бельгийскими службами). Она тут же принялась за проверку и обыск по домашним адресам испанских и французских анархистов, которые могли бы приютить ссыльных. Жизнь в Париже — городе, избранном Дуррути и Аскасо в качестве подпольного убежища, — походила на настоящую

мышеловку: им постоянно угрожал арест полиции, а кроме того, та могла бы сдать их прямо и тайно в руки испанских властей, минуя таким образом осложнения и трудности с необходимыми процедурами. Что же делать? Нашёлся временный выход: некто взял на себя задачу найти им убежище, и они смогли поселиться в небольшом посёлке — департаменте Йонна — у Эмилии Буше — пацифистки, которая без всякого сомнения предоставила им жильё. Позднее Буше писала:

«Видя, как французская полиция жёстко преследовала этих испанских активистов, я сочла своим долгом помочь им. Они жили у меня два месяца, разделяя с нами наши повседневные заботы и радости (...).

Несколько раз нас предупредили: жандармы не прекращали поиски. Они располагали данными о присутствии испанцев в моём доме. Несколько раз мне удалось запутать их, но не убедить. Положение становилось опасным для всех. Как-то днём мы вместе выехали на прогулку: я за рулём, а Дуррути и Аскасо — на задних сиденьях. Мне нужно было срочно заехать к моему нотариусу, и когда я вышла из его дома, мне стало плохо: рядом с машиной стоял жандармский капитан. Стараясь выглядеть спокойной, я подошла и поздоровалась с ним. Он ответил и спросил меня, видела ли я двух мужчин, о которых он справлялся за день до нашей встречи. Я сказала, что они вернулись в мой дом немного позднее его ухода и что я порекомендовала им зайти в жандармское управление, чтобы уладить вопрос с разрешением на работу. А после любопытствовала:

— Они были у вас?

— Нет, — ответил он, смотря мне прямо в глаза.

— Странно, — сказала я. Они заверили, что зайдут, а потом я их больше не видела.

— На самом деле странно. Мы изучим этот вопрос детально, — ответил жандарм и пошёл в обратную сторону с задумчивым видом.

Я запрыгнула в машину, взялась за руль, и мы тотчас же уехали. Проехав капитана, в растерянности шагавшего своей дорогой, я обернулась к задним сиденьям. Мои друзья улыбались. Аскасо, потрясая правой рукой, жестом дал мне понять, что мы спаслись просто чудом...

Во время беседы, проходившей в двух метрах от них, они сделали всё возможное, чтобы сохранить хладнокровие, но в то же время были начеку и готовы атаковать капитана либо бежать в случае, если ему пришло бы в голову что люди, которых он искал, сидят перед ним в машине.

Этот последний инцидент вынудил их покинуть мой дом. Ночью я отвезла обоих в надёжное место, откуда они позднее выехали в Париж»²³⁵.

Париж всё так же был той же мышеловкой, из которой они вырвались на время, и поэтому жить там не представлялось возможным. Недавно созданный Комитет революционного альянса²³⁶, к которому присоединились «Солидарные» ввиду подготовки плана восстания в Испании и Италии, порекомендовал переехать в Лион, где они могли бы быть более полезными для революционной деятельности.

Версия #5

Зверобой создал 13 июля 2025 21:41:50

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:38:08